

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

Уральский государственный педагогический университет
Научно-исследовательский центр «Словесник»

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА:
НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕЧЕНИЯ**

ВЫПУСК 3

Екатеринбург 1996

Этот выпуск сборника «Русская литература XX века: направления и течения» носит особый характер. Наряду с работами наших постоянных авторов в него вошли статьи американских и канадских исследователей. Идея такого сборника родилась из соображения того факта, что североамериканские и российские слависты, интересуюсь одними и теми же явлениями русской литературы XX века, очень по-разному их интерпретируют. Вот почему центральное место в сборнике занимают своеобразные литературоведческие «дуэты» американских и российских исследователей, предлагающих свои подходы к общему кругу проблем и к конкретным произведениям. Думается, что такая композиция наиболее отчётливо выражает нафос этого сборника, ориентированного на поиск диалогических соприкосновений между различными методологическими традициями, длительное время изолированными друг от друга. Вместе с тем диалогические отношения с «другим» — единственный способ осознать «себя» и «свое»: вряд ли нужно доказывать, насколько актуален этот процесс для отечественного литературоведения, осваивающего пространство, свободное от диктата «марксистско-ленинской» эстетике.

Редакция выражает глубокую признательность коллегам с кафедры славянских языков и литератур университета города Питтсбурга (США) за помощь и сотрудничество в работе над сборником.

Ш 4/6
Р 89

Настоящий сборник представляет собой третий выпуск продолжающегося издания «Русская литература XX века: направления и течения». Статьи объединены изучением разноаспектных явлений русской литературы XX века: от конкретного произведения и творческой индивидуальности до наиболее характерных для нашей эпохи принципов художественного мышления — в соотношении с проблемами формирования и эволюции литературных направлений и течений.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ЛЕЙДЕРМАН Н.Л., проф., д-р филол. наук (отв. редактор)
БАРКОВСКАЯ Н.В., доц., канд. филос. наук
ЛИПОВЕЦКИЙ М.Н., доц., канд. филол. наук

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Т.А. СНИГИРЕВА, канд. филол. наук, доц. (Уральский
государственный университет им. А.М. Горького)
Т.А. ЛОЖКОВА, канд. филол. наук, доц. (Уральский
государственный педуниверситет)

ISBN 5-7186-0104-6

© Уральский государственный
педагогический университет, 1996

Русская литература XX века: направления и течения
Вып. 3. Екатеринбург, 1996

«МЫ» ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА

Э. БОРЕНСТАЙН

Университет Вирджинии, США

«САМ НЕ СВОЙ»: КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ

В РОМАНЕ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Статья посвящена исследованию парадоксальных отношений между «я» и «мы», складывающихся в повествовательной и образной структуре романа Е. Замятина. Автор анализирует «синекдохическое мышление» Д-503 и его трансформации, ведущие к осознанию диалогической природы личностного сознания и возможности его существования на основе монологической «цельности».

Уже в начале самой известной книги Е. Замятина заключается парадокс: хотя его роман — сатира на утопический коллективизм — назван «Мы», он начинается со слова, прямо противоположного по значению: «Я». Неопределенность взаимоотношений индивидуального «я» и коллективного «мы» настолько очевидна, что даже рассказчик Д-503, который в первых главах выражает только слепую веру в Единое государство, осознает острогу этой проблемы. Можно легко сделать вывод, что авторская игра с метамениями только пародирует тяжеловесный стиль пролетарских поэтов. Думается, однако, что Замятин ставит перед собой более тонкую задачу: он подходит к проблеме «самости» как к вопросу языка¹.

Весь роман можно рассматривать как опровержение лингвистических и философских «официальных» концепций личности, поскольку в их основе лежат логика синекдохи и возможное выстижение «цельности», или «интеграции». Пытаясь объяснить выдуманным читателям свое место в Едином государстве, Д-503 постоянно прибегает к синекдохе: его «я» имеет значение постольку, поскольку оно входит в состав всеобщего «мы»; любое «я», которое требует признания своего индивидуального значения, оказывается не более жизнеспособным, чем отрезанный

1 Связь между романом «Мы» и Пролеткультом часто упоминается в литературе о Замятине; см., напр., *Carsten P. Utopia and Anti-Utopia: Aleksei Gashev and Evgeny Zamiatin // The Russian Review*. 1987. 46; *Долгополов Л.К. Е. Замятин и В. Маяковский* (К истории создания романа «Мы») // Русская литература 1988. № 4: и мн. др.

плещ. Синекдохическое мышление Д-503, прослеживающееся на всем протяжении романа, можно считать естественным продолжением не только тематики романа, но также неожиданного для самого рассказчика-математика отступления в неведомую страну поэтического языка. Тем не менее многочисленные примеры синекдохи, включающие не только такие яркие образы, как описание рассказчиком себя как микроба или фагоцита в теле Единого государства, но также его постоянный перевод человеческих отношений в область математических уравнений с дробями, следует рассматривать в контексте идеологии Единого государства.

В своей книге «A Grammar of Motives» К. Бурк расширяет стандартное определение слова «синекдоха», придавая ему философское значение: у Бурка синекдоха означает не только «выдавать часть за целое, целое за часть, сосуд за содержание, означающее за означаемое... причину за следствие, последствия за причину»; «благороднейшей синекдохой, совершенной парадигмой всех менее значительных ее употреблений» он считает те метафизические модели, которые утверждают «тождество «микроскома» и «макркосома»». Такие идеологические структуры, рассматривающие индивидуум как «копию вселенной, и наоборот» являются «идеальной синекдохой, так как микроскоп относится к макроскопу, как часть к целому, часть может быть представлена целым, а целое может быть представлено частью». В синекдохе Бурк видит основу «всех теорий политического представления, где какая-либо часть «общественного тела» считается «представителем» всего общества»².

Политическим потенциалом такого синекдохического мышления можно легко воспользоваться при тоталитарном режиме, причем работа Бурка дает основания предположить, что такая спекуляция происходит на разных уровнях: и правление страной «вождем» или «сознательным авангардом», и отношение к подданным как к «трудовым пчелам в ульях» или «гайке в колесе» (примеры синекдохи). В романе «Мы» синекдохическое мышление устраивает иерархию Единого государства; оно способствует его развязанию иерархии Единого государства; оно особенно заманчиво для математика, который постоянно (при-

1 *Замятин Е.* Мы: Роман, повести, рассказы, пьесы, статьи, воспоминания / Сост. Е.Б. Скороспелова. Кишинев, 1989. С. 68. Далее ссылки на это издание даются в скобках после цитаты.
2 *Burke K. A Grammar of Motives*. Berkeley: Los Angeles, 1969. P.507-508.
3 *Ibid.* P.508.

чем вопреки математическим правилам) доказывает свою правоту примерами.

Экзистенциальный кризис Д-503, возникший после открытия у себя второго (и якобы отдельного) «Я», дает о себе знать, когда интроспекция начинающего писателя заставляет его столкнуться с неизбежными последствиями идеологии синекдохы. Единое государство, по сути своей иерархическое, создает синекдохическую модель, в которой микрокосм индивида не только представляется, но и поглощается коллективом. Но ведь в основе синекдохы, как отмечает Бурк, лежат «интегральное соответствие и полная конвертируемость обоих терминов». Когда Д-503 впервые осознает свое «я», он вне зависимости от своей воли схватывает и тождество микрокосма и макрокосма в синекдохической связи с Единым государством, чтобы создать личность, которая, как государственным «мы» заглавия романа, выражается, скорее, во множественном числе. Личность Д-503 не может быть неделимым целым числом; наоборот, она подвергается бесконечному процессу дробления и фрагментации. Человеческое «я» Д-503, как и официальное «мы» Единого государства, должно функционировать не только как целое, но и как совокупность составляющих его частей. Читателю, впервые открывшему роман, естественно рассматривать «Мы» так, как его толкует сам рассказчик: это история конфликта, возникшего между Д-503, лояльным «номером» Единого государства, и Д-503, страстным и иррациональным бунтарем. Но смотреть на роман через призму этой борьбы, столь напоминающей средневековое моралите, все равно что ограничивать субъективным мировоззрением самого Д-503 и стать тем выдуманным читателем, к которому обращается рассказчик на протяжении книги.

Вместо того чтобы рассматривать роман как описание раздвоения личности Д-503, имеет смысл проанализировать два совершенно различных состояния души, через которые пропускается повествование. Выбрав рассказчика, который постоянно колеблется между диссоциацией (т.е. множеством различных личностей) и солипсизмом (когда одна личность поглощает все остальные), Замятин ставит саму возможность существования стабильного «я» под сомнение. Хотя на поверхности эти два состояния души яв-

1 Такой подход к Замятину особенно популярен среди критиков, относящих роман к жанру антиутопии. См., напр.: Aldridge A. Mythe of Origin and Destiny in Utopian Literature: Zamyatin's *We* // *Extrapolation* XIX. 1977:1; *Вещанар* G. Cultural Primitivism as Norm in the Dystopian Novel // *Ibid.*: etc.

ляются противоположными, для Замятина разница между распадом единой личности на составные части (диссоциацией) и убеждением, что любой Другой является лишь продолжением твоей субъективности (солипсизмом) — это вопрос точки зрения. И диссоциация, и солипсизм соответствуют государственной модели синекдохической самости: монологический голос возникает из отдельных частей, каждое явление можно представить как целое число, состоящее из сложенных дробей. Однако такие предположения в романе часто подвергаются сомнению. Пересказывая замятинские тезисы об энтропии и революции, 1-330 утверждает, что нет «последней цифры» и, следовательно, нет окончательной социальной революции; аналогично постоянное колебание между солипсизмом и диссоциацией наводит на мысль, что не бывает законченного «я» и что само понятие целого числа (и соответствующая идеология интеграции, столь важная для Единого государства) несостоятельно. В этом тексте нет никакой «самости», и быть не может. Есть только отдельные части, претендующие на право говорить от имени воображаемого целого.

В литературе неоднократно отмечалось, что Д-503 перестает быть анонимным членом монолитного коллектива, как только он берется за перо. Отказываясь на призыв ко всем гражданам избирать Единое государство во всей его красе для менее просвещенных обитателей иных миров, Д-503 вынужден осознать свою синекдохическую связь с Единым государством. Д-503 не может писать о своем положении в обществе коллективного «мы», не приняв риторическую позицию, которая, хотя бы формально, находитесь вне рамок того же общества. В отличие от анонимного голоса Государственной газеты, который никогда не говорит от первого лица, Д-503 не может говорить за государство от имени государства. Как его представитель, он может говорить только как часть от имени целого. Любые наблюдения Д-503 рисуют картину Единого государства изнутри: когда Д-503 смотрит в зеркало, он видит Д-503, а не все государство.

Безусловно, можно считать этот парадокс чисто формальным, но он тем не менее служит толчком для колебания между диссоциацией и солипсизмом. Первая же запись в дневнике, в которой коллективный дискурс Государственной газеты составляет яр-

1 *Strieder J. Three Postrevolutionary Russian Utopian Novels // The Russian Novel from Pushkin to Pasternak. New Haven, 1983.*

кий контраст с «я» Д-503, показывает связь между внутренним состоянием Д-503 и языком. Когда Д-503 в первый раз употребляет «я», он, кажется, уже знает свое место: он заявляет, что он не пишет, а «просто списывает». К тому же цитата из Государственной газеты Единого государства не выдает своего происхождения! Выполнив свой долг и списав эту длинную выдержку, Д-503 теперь обращает внимание на себя: «Я пишу это — и чувствую: у меня горят щеки» [С. 10]. Его второе предложение, как и первое, начинается со слова «я», но в нем самоунижение заменяется осознанием себя как личности. Не случайно глагол «пишу», который описывает его деятельность, вызывает в первую очередь «чувствую», который привлекает внимание к пишущему глагол — «чувствую», который привлекает внимание к пишущему «я» как к мыслящему, чувствующему субъекту. Осознание Д-503 себя как писателя вызывает и осознание его физического тела: слова из Государственной газеты, призывающие его писать, неизбежно вызывают у Д-503 стремление к самоанализу.

Внезапное осознание собственного «я» выражено соответствующей метафорой в Записи одиннадцатой: все возмущающая потребность рассказчика в размышлении отображается в той сцене, когда Д-503 с отвращением впервые всматривается в свое отражение в зеркале. Примириться с фактом, что «посторонний», которого он видит в зеркале, — это он сам, так же тяжело для Д-503, как и пережить потрясение от сознания того, что это изпод его пера выходят такие странные и иррациональные слова. Пока он еще не начал вести дневник, предполагается, что Д-503 имел хотя бы зачаточное чувство соответствия между своим «я» и пишущим субъектом и физическим телом нумера Д-503. Видя себя в зеркале «первый раз в жизни», он отказывается от своего образа: «с изумлением вижу себя, как кого-то «его»...» [С. 43].

В одиннадцатой записи наблюдается не простой раскол человеческой личности на две половины, а гораздо более сложная диссоциация. В ходе повествования Д-503 бессознательно меняет позицию зрителя на позицию «зазеркального» человека; сначала Д-503 описывает свое отражение, как «я-он», и говорит о нем от третьего лица. Однако когда он всматривается «ему» в глаза в попытке сообразить, что «там» кроется, вдруг «я» рассказчика относится не к тому, кто

смотрит в зеркало, а к «зазеркальному» Д-503: «И из «там» (это «там» одновременно и здесь, и бесконечно далеко) — из «там» я гляжу на себя — на него, и твердо знаю: он... — из «там» я чужой мне. ...А я, настоящий, я — не он...» [Там же].

В конце этой сцены Д-503 буквально сам не свой, так как «я», которое ведет дневник, теперь сомкнулось с образом, который он раньше считал внешним и чужим. Этот переход может стать не замеченным не только читателем, но и самим рассказчиком: заявление «а я, настоящий, я — не он», которое, на первый взгляд, кажется простым отречением постороннего «я», представляется отказом от субъекта, начавшего повествование. Д-503 же продолжает свой дневник как ни в чем не бывало.

Сцена с зеркалом — нечастый пример того, когда Д-503 удаётся видеть свое второе «я» как отдельное существо; чаще всего, он видит в своей диссоциации борьбу между сосудом и вырывающимся наружу содержанием. Поэтому он использует весьма странное сравнение в первой же записи: его чувство похоже на ощущение беременной женщины, впервые почувствовавшей в своей утробе пульс «еще крошечного, слепого человечка»: «Это я и одновременно — не я» [С. 11]. Э. Барратт связывает этого «человека» с фантазией или воображением Д-503; следовательно, первая запись предвещает конфликт между двумя «половинами» рассказчика. Хотя эта интерпретация вполне убедительна, для нас важно не только содержание этого образа, но и его структура. В пределах одной краткой записи Д-503 переходит от одной метафоры «самости» к другой. Сначала он считает себя только единицей, составляющей крошечную часть чего-то большего («Я, Д-503, строитель Интеграла — я только один из математиков Единого государства» [С. 10]), затем он сам становится наполненным целым. В основе обеих метафор лежит человеческое тело как организационный принцип: в каждой из них тело представляется целым, составленным из отдельных частей. Тело Единого государства вырисовывается в романе позже, тогда, когда Д-503 называет население «миллионголовым телом» в Записи 22-й [С. 83] или «миллионруким телом» в Записи 3-й [С. 16]. Д-503 может создать свое личное «я» только по аналогии с большим, знакомым «мы» Единого государства. Маленькое «я» (или «тело») Д-503 становится копией в миниатюре макрокосмического «тела» общества. Когда «я» Д-503 растворяется во мно-

жестве меньших «я», Д-503 похож на Государство в его гипостазе «общественного тела»; когда Д-503 предаётся мыслям о том, что даже внешний мир является только частью его сознания, он подражает гегемоническим претензиям тоталитарного «мы».

И диссоциацию, и солипсизм Д-503 можно считать пародиями на рациональные уравнения, которыми он описывает отношение между Единому государству. Они указывают на уязвимое место официальной математики: если одно и то же уравнение (целое = сумма всех составляющих частей) описывает обе крайности сознания Д-503, то в уравнении чего-то не хватает. Когда Д-503 оправдывает государственной строй, он не может отказать от изысканной логики отношения части к целому (логика синекдохи). С помощью математики Д-503 небрежно отмахивается от потери десяти «номеров» в аварии на эллинге: «Десять нулев — это едва ли одна стомиллионная часть массы Единого Государства» [С. 71]. По мере своего развития как писателя он прибегает к обманчиво незамысловатым метафорам, чтобы переложить и доказать это простое уравнение. В Записи 20-й он строит метафору на образе весов: «И вот — две чашки весов: на одной — грамм, на другой — тонна, на одной — «я», на другой — «Мы», Единое государство. Не ясно ли: допустить, что у «я» могут быть какле-то «права» по отношению к Государству, и допустить, что грамм может уравновесить тонну, — это совершенно одно и то же. Отсюда — распределение: тонне — права, грамм — обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: за-быть, что ты — грамм и почувствовать себя миллионной долей тонны...» [С. 75].

Здесь, как и в других записях, аргументация Д-503 — чистая софистика, основанная, скорее, на убедительных метафорах, чем на железной логике. Но математика, столь любимая Д-503, сама только хорошо подобранная метафора, только попытка превратить роман в задачу. Сама идея, что математика имеет отношение к связи между человеком и коллективом, никогда не подвергается научному испытанию. Как любая выдумка, она требует веры. Д-503 гораздо ближе к истине в Записи 22-й, когда, сравнив «миллионголовое» Единое государство с радостным существованием молекул и атомов, он упрощает объяснение для своих «примитивных» читателей: «Мы» — от Бога, а «Я» — от дьявола» [С. 83].

1 Cooke L.B. Ancient and Modern Mathematics in Zamyatin's «We» // Zamyatin's We: A Collection of Critical Essays. Ann Arbor: Ardis, 1988. P.156.

Несостоятельность такого представления о части и целом подерживается математическими ошибками Д-503, одного из лучших математиков в Едином государстве. В своем превосходном анализе роли математики в романе «Мы» Лейтон Бретт Кук доказывает, что сторонники Единого государства математически наивны и часто невежественны. Когда Д-503 вычисляет вероятность получения наряда на ту аудиторию, о которой ему говорит I-330, он делит количество аудиориумов (1500) на население всего Государства (10 000 000) и делает вывод, что вероятность равна 3/20.000 [С. 18]. Кук же обнаруживает, что задача неправильно сформулирована; вместо того чтобы делить количество аудиориумов на население, надо было делить I (аудиториум Д-503) на 1500 (количество всех аудиориумов в Едином государстве). Кук использует этот пример, чтобы доказать слабый уровень «официальной» математики; нас же интересует не факт математической ошибки, а род этой ошибки. Ведь Д-503 заменяет себя населением всего Единого государства. Он перепутал целое с частью.

Таким образом, Д-503, который сначала воспекает анонимность в теле Единого государства, не в состоянии построить стабильную модель своего отношения к целому. На сюжетном уровне даже бунт Д-503 является лишь заменой принадлежности к одной группе принадлежности к другой. Его неполная отужденность от Единого государства развивается благодаря усиливающейся привязанности к I-330 и, следовательно, предварительному принятию программы МЕФИ. На уровне языка идеологические колебания Д-503 похожи на лингвистическую пробуксовку, которая тесно связана с осознанием собственной личности: неясное представление о понятии «я» Д-503 сопровождается постоянными изменениями в определении слова «мы». Как все местоимения «я» и «мы» — переменные величины, значение которых полностью зависит от контекста. Говоря о себе и Едином государстве, О-90 или I-330, Д-503 употребляет одно и то же слово: «мы». Только иногда он делает различие между коллективным «мы» и простым «мы» во множественном числе: «мы все» и «мы вдвоём». Его первое романтическое свидание с I-330 (Запись 10-я) похоже на обряд посвящения наоборот, в котором Д-503 оставляет широкую общественную сферу, чтобы стать членом меньшего, интимного союза. Однажды он уже преступил черту, когда не донес на I-330 Хранителям; теперь он «отрезан от мира — вдвоём с ней» [С. 40]. Этими словами Д-503 подчеркивает себе от-

1 Cooke L.B. Ancient and Modern Mathematics in Zamyatin's We. P.156.

странение от тела Единого государства, тем самым подготавливая почву для сравнения индивидуализма с отрезанным пальцем [С. 68]. В то же время он меняет «мы все» на «мы вдвоем».

Однако Д-503 не может оставаться в одиночестве, «отрезанным», надолго. Он погружается в роман с I-330 так же глубоко и с таким же двойственным чувством, как в коллективный мир Единого государства. В явном переносе стандартного сексуального образа их первый поцелуй описывается, как проникновение в тело Д-503: «... в меня влит поток жгучего яда». Опыление делат Д-503 «стеклянным», заставляя его видеть в себе два разных «я». Казалось бы, что метафора беременности из Записи I-й доведена до конца в Записи 10-й: «другой» Д-503 вышел из «скорлупы», которая «трещала, вот сейчас разлетится в куски» [С. 42]. На этом первом свидании, однако, I-330 только дразнит его. Когда Д-503 удовлетворяет свою страсть, в Записи 13-й границы между его «я» и «другим» Д-503 полностью стираются, и результат весьма любопытен. Одно прикосновение ее плеч заставляло его осознать, что «мы одно, из нас переливается в меня». Идя рядом с I-330, он выражает чувство принадлежности к ней во фразе: «Мы шли двое — одно», фраза эта звучит пародийно на марш Единого государства, описанный в Записи 2-й. Теперь он воспринимает их двоих (по сути, составляющих одно целое) как часть утрабы всего мира, который, в свою очередь, представляет собой «огромную женщину» [С. 50]. Пока еще слияние с I-330 (и соответственно погружение в чужой внутренний мир) никоим образом не подавляет личность Д-503; напротив, он убежден, что «все» — для меня: солнце, туман, розовое, золотое — для меня...» [С. 51]. Отношения Д-503 и I-330 настроены на постоянное погружение в чувство и его восхваление, та же модель присутствует в отношениях Д-503 с миром Единого государства; когда они наконец остаются одни и он чувствует, что «влился в нее», остальной мир исчезает: «...не было больше государства, не было меня. Было только нежно-острые, стиснутые зубы». Потеря ощущения собственного «я» в точке высшего подъема находит свое выражение в восприятии себя и вселенной как единого целого: «я — вселенная» [С. 52].

Д-503 чувствует себя в безопасности только тогда, когда зашищен другим, большим организмом, хотя принадлежность к I-330 или к Единому государству не решает проблемы осознания собственного «я», его восприятие себя как составного элемента даст ему ощущение целостности. Все зависит от того, под каким углом зрения его рассматривать: как часть большего Д-503 может показаться фигурой незначительной, относительно небольшая величина делает его почти невидимым. Д-503 и сам осознает,

что он более всего уязвим, когда остается один: «Мне было жутко оставаться с самим собой — или, вернее, с этим новым, чужим мне, у кого только будто по странной случайности был мой номер — Д-503» [С. 33]. Спасение от одиночества и распада личности приходит в образе рыболовной Ю, которая выражает готовность покинуть детей, поручивших ей Государством, и соединиться с Д-503, ведь он «тоже дитя». Понятие материнства постоянно ассоциируется в романе с идеей замкнутого, уютного пространства (Запись I-я; ощущение О-90, ожидающей ребенка), и материнский инстинкт Ю на время дает Д-503 иллюзию целостности: «...[она] быстро обклеила всего меня улыбками — по кусочку на каждую из моих трещин — и я почувствовал себя приятно, крепко связанным» [С. 79]. Д-503, чье метафорическое мышление сродни Манковскому, удается создать впечатляющий образ того, как его тело будто бы собрано из кусочков заново.

Неуверенность Д-503 в природе собственного «я» — неизбежное явление, сопутствующее нескончаемому процессу, который, подобно борьбе между энтропией и энергией, описанной I-330, никогда не заканчивается синтезом. И солипсизм Д-503, и его диссоциация являются очевидным результатом все возрастающего осознания себя как писателя. Как верно подметил Юрий Штридтер, попытка Д-503 сообразиться с другими мирами вызывает взрыв «лингвистического сознания» у его предполагаемых читателей, рождает возможность открывать «чужое слово». К подобным заключениям приходит и Кук, который отмечает важность «признания, саморефлексии и многочисленных отступлений» для «избранного Д-503 жанра», а также «продолжительное отстранение» от общепринятого взгляда на мир, которого требует названный жанр. Обязательство Д-503 представить себе неизвестного адресата требует огромной работы воображения и не может не оставить глубокого следа в его личности.

Хотя Штридтер обращается к концепции Бахтина о диалогизме, присущем жанру романа, для того чтобы найти объяснение кризису самосознания Д-503, нужно помнить, что последний осознает, что пишет роман только по мере его продвижения; вначале он рассматривает свою работу как дневник. Д-503 обращается к этой форме только потому, что его перо математика «не в силах создать музыки ассонансов и рифм» [С. 10]. Хотя

1 Strieder J. Op. cit. P.187.

2 Cooke I.B. The Manuscript in Zamjatin's «We» // Russian Literature. 1980. №17. P.372-374.

размыты. Д-503 и его читатели не столько объединены общими личностными характеристиками, сколько постоянно обмениваются ими. Если первоначально создание героев своих читателей влечет за собой его представление о себе как о ком-то постороннем, в дальнейшем те же читатели служат идеальным прибежищем для многочисленных комплексов Д-503. Таким образом он начинает проецировать нерешенные проблемы своей жизни на своих читателей, чуждых и грубых, по его определению: «И не во мне их (это) не может быть) — просто я боюсь, что какой-нибудь их останется в вас, невдомым мой читателю» [С. 22].

Наставная на все большее отождествление себя со своими известными читателями, Д-503 подвергает их тому же процессу распада, от которого страдает сам и который является причиной и следствием самого «существования» читателей. Призывая их к пониманию, он просит их представить себе, что они тоже испытывают диссоциацию (Записи 5 и 16). Записью 20-й рассказчик подводит своих читателей на два оппозиционных лагеря, различия между которыми прямо соотносятся с внутренним кризисом Д-503: «Вы, ураниты, — суровые и черные, как древние испанцы, мудро умевшие сжигать на кострах, — вы молчите, мне кажется, вы — со мною. Но я слышу: розовые венеры — что-то там о пытках, казнях, о возврате к варварским временам. Дорогис мой, мне жаль вас — вы не способны философски-математической мыслить» [С. 76]. Хотя это «планетарное» разделение читателей объявляет Д-503 живописать их более детальный портрет, оно создает почти полную тождественность читателей с рассказчиком. Если бы все читатели вняли его призыву, то они походили бы только на тот аспект личности Д-503, который преобладает в описываемой момент. Если создание образа «читателей» является неотъемлемой частью растущей диссоциации Д-503, то противоположная этому наклонность к солипсизму прослеживается в попытке объединить других членов Единого государства внутри себя, зачастую с помощью своей воображаемой аудитории. Несколько раз Д-503 сокращается по поводу того, что его исключили из многомиллионного тела Государства. Экспериментируя с солипсизмом, Д-503 забывается возможностью восстановления утраченного товарищества, но на своих условиях. В сущности, он присваивает себе миссию Интеграла, пытаясь «интегрировать» окружающих в возвышенное свое «я». Неумышленно отделив себя от всеобъемлющего присутствия «мы» Единого государства, он пытается взять на себя его тотализирующую роль. Впервые солипсизм Д-503 проявляется сразу после первой записи в дневнике. С самого начала писательский процесс заставил его вглядеться внутрь себя и достиг такой точки, когда он уже был в состоянии представить другое человеческое су-

Д-503 сокращается, что его дневник начинает походить на приключенческий роман, разрыв между его намерениями и результатом можно рассматривать через призму поэзии: вместо того чтобы «производить» примитивные «оды» по заказу Единого государства, Д-503 создает пространное лирическое стихотворение в прозе. Использование Д-503 лирической тональности парадоксально сопрягается с целью описания его (и Государства) жизни для знакомой аудитории. Его задача напоминает описанные Осипом Мандельштамом в эссе «О собеселнике» (1913) отношения между поэтом-лириком и его читателями. По Мандельштаму, поэт подобен плывцу, который запечатывает описание своей судьбы в бутылку и бросает ее в море. Хотя плывец не может адресовать свое послание конкретному человеку, он тем не менее имеет предположительного читателя. «Письмо, запечатанное в бутылке, адресовано тому, кто найдет его. Нашел я. Значит, я и есть таинственный адресат» [С. 17]. Здесь уместно вспомнить переживания Д-503 по поводу его воображаемых читателей: «Кто вас знает, где вы и кто» [С. 21]. Дабы произведение возымело эффект, предполагает темный читатель должен быть вдалеке и неизвестен, но адресат тем не менее обязан существовать: «нет лирики без диалога (Мандельштам). В своей ранней статье о Франсуа Вийоне Мандельштам рассуждает об обязательстве, налагаемых на поэта искусством: «Лирический поэт по природе своей — двуполное существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога». Подход Бахтина к роману как к полифоническому жанру помогает нам обратить внимание на многоголосые замкнутые тексты, раздумья же Мандельштама о внутреннем диалоге и невдомом адресате особенно хорошо вписываются в размышления по поводу многоголосья в романе, по мере его нарастания. Как и лирическое произведение, жанр дневника требует саморефлексии и создания образа воображаемого читателя, здесь можно вспомнить традиционную практику, когда девушки-подружки называют свои дневники именами воображаемых подруг (например, «Китти» Анны Франк или «Мими» Златы Филипович). Даже когда дневник не имеет имени, внутренний диалог, характерный для этого жанра, раскрывается, когда писатель обращается к себе во втором лице, как это делает Д-503 в Записи 34-й: «Возьми себя в руки, Д-503» [С. 121].

Хотя Д-503 обычно обращается к своим читателям как к совершенно посторонним людям, границы между ними и рассказчиком

длинности¹. Если рассматривать роман Замятина как метароман, утверждение Д-503 абсолютно верно: никто из персонажей романа не был бы нам, читателям, известен, если бы Д-503 не описал их в своем дневнике. Так как все они — производные, вышедшие из-под его писательского пера, то их действительно можно называть его «тенями». Однако роман одновременно является и психологическим повествованием, и метароманом. Как говорит Д-503, дневник — это «сейсмограф», который фиксирует движение и «даже самых незначительных мозговых колебаний» [С. 22]. В романе «Мы» метароманические аспекты повествования являются неизбежным выражением солипсического сознания.

Солипсизм Д-503 ведет к резкой критике Замятинским традиционного понятия субъекта, т.е. к фетишизации «я» в контексте романа. Дневник становится и физическим воплощением психики Д-503, и «объективным» источником знаний, к которому Д-503 обращается, чтобы найти подтверждение любой данной информации или гипотезе. Двойная функция текста как воспроизведения и абсолютной правды, и субъективных впечатлений Д-503 носит солипсический характер: в восприятии Д-503 его заметки в конце концов узурпируют роль государства как неизбежного авторитета. Возможно, не случайно роль текста наиболее ясно видна в той записи, в которой 1-330 объясняет Д-503 замятинские идеи об энтропии и энергии: философия бесконечных революций, как и проблема автореферентного текста — неотъемлемые части исследования писателем проблемы поисков своето «я». С большой осязательностью автор обращается к читателям, перед которыми он признает свой «долг» [С. 100]. Но когда он описывает разговор с 1-330, его отношение к тексту, скорее, читательское, чем авторское. Когда Д-503 называет планы повстанцев свергнуть государственную власть «безумием», 1-330 вспоминает его собственные слова: «Надо нам всем сойти с ума — как можно скорее сойти с ума». Это говорит кто-то вчера. Ты помнишь? Там... Да, это у меня записано. И следовательно, это было на самом деле» [С. 102]. Сама того не подозревая, 1-330 апеллирует к пещерам Д-503 дважды: она цитирует его собственные слова, чтобы отразить его же довод, а это в свою очередь приводит к тому, что Д-503 сравнивает ее цитату с записью в дневнике для подтверждения правды. Теперь текст,

1 Уже в Записи 3-й Д-503 сравнивает действительность с текстом: «...Может быть, вы великую книгу цивилизации дочитали лишь до той страницы, что и наши предки лет 900 назад» [С. 15].

щество внутри себя. Во второй записи, как и в первой, преувеличенное восхваление достоинств «нашего» регламентированного существования неожиданно уступает место осознанию себя как личности: «...будто не целые поколения, а я — именно я — победил старого Бога и старую жизнь, именно я создал все это, и я, как башня, я боюсь двинуть локтем, чтобы не посыпались осколки стен, куполов, машин...» [С. 131].

Первую часть этого утверждения можно было бы использовать как простой пример того, что Д-503 запутался в логике синекдохи: как часть целого Д-503 может ощущать личную гордость за коллективную историю. Но отождествление Д-503 себя с создателем, так же, как и изображение его огромного тела, навеянное Маяковским, не может быть объяснено всрноподданническим отношением к Единому государству. Засс солипсизм Д-503 проявляется как результат писательского процесса. Приведенная выше цитата передает контекст «отчужденности» восприятия Д-503 себя как повествователя для незнакомой аудитории. Краткое ощущение своей божественности предвзрается его утверждением, что в тот день (на следующий день после того, как он начал свой дневник) он увидел свой мир «как будто только вот сейчас первый раз в жизни» [С. 12].

В других случаях Д-503 занимается сопоставлением своих товарищей-номеров (которые, вероятно, ведут существование, независимое от Д-503) с воображаемыми читателями (существование которых зависит полностью от Д-503 — то, что Т.Р. Н. Эдвардс назвал «почти берклианским ощущением себя... как создателя реальности, которую он описывает»). Любопытно, что именно читатели кажутся более «реальными». Д-503 утверждает вымышленность своих товарищей-номеров и подлинность читателей, когда чувствует, что «нумера» не признают его значимости. Оскорбленный тем, что дежурная у Древнего дома решила, что он ищет 1-330, Д-503 делает запись: «И что за странная манера — считать меня только чьей-то тенью. А может быть, сами вы все — мои тени. Разве я не налил вам эти страницы — еще недавно четырехугольные белые пустыни. Без меня разве бы увидели вас все те, кого я веду за собой по узким тропкам строк?» [С. 77].

Предпосылка логики Д-503 такова: читатели подлинны а priori, а включение в текст дневника — основной критерий по-

1 Edwards T.R.N. Three Russian Writers and the Irrational: Zamyatin, Bulgakov and Bulgakov. Cambridge, 1982. P.73.

который он ранее характеризовал как «сейсмограф» своего ума, стал неоспоримой объективностью.

Для того чтобы Д-503, автор дневника, стал Д-503, читателем дневника, требуется еще одна диссоциация: произведенное собственным сознанием Д-503 трактуется как продукт другого сознания. Этот процесс завершается, конечно, после Операции над Д-503. Коротко описав погоду (т.е. объективную реальность), Д-503 первыми записанными после Операции словами отрицает свое авторство: «Неужели я, Д-503, написал эти двести двадцать страниц?» [С. 142]. Однако до Операции Д-503 считал дневник своим продолжением и сутью: в ранней записи он не может заставить себя сжечь рукопись, которую он характеризует как «этот мучительный — и может быть, самый дорогой мне — кусок самого себя» [С. 104]. В структурном отношении отождествление Д-503 со своей рукописью — это вариация его прежней всепоглощенности синекдохическими отношениями индивидуума и Государства: если раньше Д-503 был просто клеточкой в теле Единого Государства, то теперь его дневник — это часть его сознания. Здесь мы имеем дело с полным отождествлением макрокосма и микрокосма: Д-503 решил, что он вложил всего себя в рукопись. В Записи 33-й Д-503 оставляет (преждевременно) своих читателей, которым он «показал всего себя» [С. 120]. Когда он решает в Записи 35-й убить Ю, то скатывает рукопись и засовывает ее в трубку, превращая в орудие убийства: «...пусть она прочтет всего меня — до последней буквы» [С. 127].

Как и следует ожидать от такой автореферентной книги, непонимание Д-503 статуса своего произведения предвзвешено историей, которую он рассказывает в своей рукописи. Это рассказ о дикаре, который заметил, что каждый раз, когда барометр указывает на слово «дождь», дождь и вправду идет; решив, что барометр и есть причина дождя, дикарь вылил ртуть, чтобы дождь пошел еще раз. Жужа Хелсни рассматривает интерпретацию этой истории рассказчиком как метафору революции¹. Однако если посмотреть на нее в свете того, что Д-503 смешивает понятия представления и реальности, рассказ о дикаре и барометре имеет большее отношение к Д-503, чем к какой-либо исторической модели. Как и дикарь, Д-503 путает причину и следствие: начал писать, чтобы отобразить реальность, он в конце концов видит

рукопись скорее как источник существования, чем как просто изображение реальности. И дикарь, и Д-503 обманут метафорой: он смешивает символ с объектом, который тот представляет, и следствие путает с причиной. Важным моментом является то, что, после того как Д-503 полностью исказил связь между рукописью и миром в Записи 28-й, процитировав текст как доказательство, он замечает в последующей Записи, что показания барометра не совпадают с реальной погодой: барометр упал, но ветра еще нет [С. 106].

Проблема разрешается только после Операции, и ее решение так же пародийно, как и ранние попытки Д-503 построить самого себя. Новый Д-503 начинает запись во вполне подходящем духе — описанием показаний барометра, который теперь, очевидно, находится в полном соответствии с реальной погодой. Д-503 теперь отрывается от субъективных впечатлений, содержащихся в предыдущих тридцати девяти записях: то, что раньше составляло его внутреннюю жизнь («всего меня»), более не имеет никакого отношения к Д-503. Иерархия от «мы» до «я» отомстила за себя, что видно из предпоследнего предложения романа: «Больше: я уверен — мы победим» [С. 143]. Невозможно найти лучшего слова для того, чтобы продемонстрировать превосходство коллектива в конце романа, чем слово «победить» — глагол, у которого отсутствие формы первого лица единственного числа, не оставляет возможности для победы индивида. Если роман Замятина и делает какие-нибудь выводы о природе человеческого «я», то это экзистенциальное понятие о том, что «существование предвзвешено сущностью». Здесь уместно вспомнить афоризм, произнесенный I-330 в Записи 28-й: «Человек — как роман; до самой последней страницы не знаешь, чем кончится» [С. 101]. Даже стабилизация личности Д-503 имитирует создание общества, в котором он живет: существование Единого государства стало возможным только после выворота нежелательных элементов за Зеленую стену. Д-503 в конце концов становится уравновешенной цельной личностью только после удаления тех его частей, которые помогали ему осознать себя как личность.

© Боренстайн Э., 1995

© Боренстайн Э., Зиглотаина Т., перевод, 1995

1 Heterú Z. О дикарях XX века: Об одном аспекте соотношения понятий революции, государства и церкви в романе «Мы» Е.И. Замятина // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1987. 3.1-4. P.273.